

19.51

От Пешуровского I.

9

210

В Ц.К. В.К. П. /6/.

ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ И. В.

Товарищ Сталин, еще раз прошу Вашего внимания к моему письму.

Сегодня 20 мая исполнился год, как оговорен я шпионом Косиором.

После XVIII с"езда ВКП/б/ мне не понятно стало, явился ли оговор причиной нападения на меня или же это был повод для всех нападений на меня.

Вы сказали на совещании делегаций XVIII с"езда ВКП/б/, что меня "давно надо снять и гнать с Украины". Очевидно, меня будут во всех партийных организациях прорабатывать не только по шпионскому оговору Косиора, но и под лозунгом "снять и гнать" с Украины.

Одновременно, кроме одного случая "выживания т. Кагановича с Украины", Вы ничего не привели порочащего мою работу.

Хотя поздно реагировать, но считаю такую оценку моей работы на Украине незаслуженной и несправедливой. Нельзя расправляться со мной так потому, что я был одним из первых на Украине, возглавивших разгром троцкистов, сапроновцев, националистов и правых и потому, что из числа немногих, я остался верен партии, ни в чем не замешан.

Враги хитро разводили подхалимство и тонкую лезть плели перед вождями партии, для маскировки своей вражеской работы и предательства и довольно длительно чернили, оговаривали честных партийцев в том числе и меня.

Нельзя было "гнать" меня потому, что в успехах народного хозяйства, я организовывал и призывал рабочих и колхозников на трудовой подвиг, и в этой работе партии я был работником не последнего порядка и к моим призывам рабочие и колхозники прислушивались.

Было время, когда в борьбе против троцкистов и анархистов рабочие на Украине признавали только меня как последовательного большевика и борца за дело партии. Было время, когда безработные толпами приходили к ВУЦИК-у и только после моих об"яснений успокаивались и расходились. Вместе с партией я боролся с вредительством на заводах, а с комнезамом вел борьбу против кулаков за колхозы.

В самые тяжелые 1931 и 1932 годы, вследствие голода возникшего в результате классовой борьбы кулачества против коллективизации и затруднений для партии, у меня ни на секунду не возникало сомнений относительно осуществления социализма у нас. Я понимал классовый характер вызванного голода, верил тогда и сейчас в торжество коммунизма, к которому ведет наша партия.

Приведу еще пару фактов, отраженных мною, вражеских предложений. Первый, Попов

предложил на заседании Пол.Бюро упразднить Украинскую Академию Наук и это предложение не встретило должного отпора, а я сказал: "Советская Страна крепнет, надо усилить форпост СССР - Советскую Украину против капиталистического запада, для этого столицу Украины надо перенести из Харькова в Киев и вопиющим безобразием является предложение Попова". Вам должно быть это известно. Второй, на заседании Пол.Бюро в Киеве я высказался за строгое проведение плана сел.хоз. работ в колхозах со стороны МТС, которые часто план нарушали, Косиор бросил замечание - "я не придаю этому значения", я отстаивал свое предложение для направления работ наркомзема в этом духе и этим спасал социалистическое строительство в сельском хозяйстве на Украине.

За все время работы в партии и на Украине взысканий я не имел.

При под"еме промышленности и сельского хозяйства, в своей работе я последовательно выполнял указания партии и Ваши, об освоении техники, внедрении плана в промышленности и колхозах и за выполнение их на деле.

- За что же меня гнать .

В то время, когда Косиор, Постышев, Якир, Попов, Балицкий и др. искусно маскируясь вредили и готовили крах социалистического строительства, позволю себе сказать, что под руководством ЦК. ВКП/б/ и Вашим, я шел во главе масс, подымая энтузиазм и веру в самые светлые перспективы ближайшего осуществления социализма. Косиор, Балицкий, Любченко и целый ряд других "руководящих работников" Украины, оказавшихся в последствии врагами народа, "за успехи социалистического строительства" - были награждены высшими наградами - орденами. Из руководящего состава Украины я один оказался не награжденным.

Если перечесть всех оказавшихся врагами народа на Украине, то станет видно всякому, что я один из немногих искренне работал на дело нашей партии, хотя меня оттирали, отталкивали, дискредитировали и клеветали на меня.

О том что враги вели против меня интригу могу подтвердить еще таким фактом: В 1936 году был арестован мой личный секретарь Андрищенко. После освобождения из тюрьмы, он восстановлен в партии и прочих правах, писал мне, что следственные органы НКВД, очень настойчиво домогались от него антипартийных или антисоветских показаний против меня.

В моей охране у т. Табакова в Киеве, требовали сведений в органах НКВД, о том верно ли, что расстрелян мой сын Леонид. Кроме всего вышесказанного, я не могу не остановиться на том, что в течении уже года распространяются злостные слухи о том что я арестован, сыновья мои расстреляны, дочь бежала за границу, жена сошла с ума и т.п. слухи.

В некоторых районах исключали партийцев из партии за вывешивание моих портре-

тов, в других же за замазывание портретов "как врага народа".

Как видно происходит изрядная канитель. В этом деле смешались клеветники с перестраховщиками и трусами и калечат людей.

Между тем многие рабочие Киева, как говорил мне старый киевский рабочий коммунист т. Андреев, собирались писать Вам в ЦК протест против гнусного отношения ко мне разных косиоров.

Я должен коснуться и факта проявления "биологического подхода" к моей семье. Например т. Щаденко в феврале с/г сказал моему сыну Леониду Петровскому: "Как держать тебя в армии, когда ты в 1923 году был троцкистом", /что абсолютная ложь/, "брат у тебя сослан, зять отца арестован, да и отец под подозрением". В общественной и семейной жизни не буду перечислять своих заслуг, но и в этой области, поставленный партией на высокий пост я старался показать народу образец поведения коммуниста гражданина СССР и никто комом грязи и осуждения не бросит в меня.

На совещании делегаций, Вы еще сказали, что ежевские помощники задавались целью побольше перебить, перекалечить из партийного актива. Из-за этого более сотни тысяч коммунистов подверглось преследованиям.

В приемные ко мне приходили люди, жаловались на клевету и оговоры их родственников или знакомых, я раз"яснял таким просителям, что у нас такого явления не может быть, не исключены отдельные случаи ошибок, но за это правительство строго преследует.

Какая ирония судьбы. Вот год, как явная клевета довлеет надо мной. В семье смятение и люди из-за меня подверглись избиениям. За этот год много пережито; оговор, т.е. явная клевета на меня шпиона Косиора - первая напасть. Демонстративное снятие с Украины - вторая напасть. Теперь снятие с замства в президиуме Верховного Совета - третья напасть. Неуверенность положения - ведется ли следствие как мне обещали. В довершение всего тяжелый отвод при избрании в Ц.К. Очернение всей моей социалистической работы и, очевидно проработка меня в этом духе по всей партии.

Ведь это слишком большая чаша незаслуженных испытаний.

Вот почему я еще и еще раз очень прошу Вас товарищ Сталин и Ц.К., глубже обследовать всю мою работу и ускорить реабилитацию меня.

Г. Петровский

/Петровский Г./

20/1-1920